

Ира Орлова

**ЖЕНА ОФИЦЕРА.
Я ТЕБЯ ВЕРНУ**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-66

Орлова И.

О-66 Жена офицера. Я тебя верну / Ира Орлова – М.: Литнет, 2026. – 272 с.

ISBN 978-5-521-99448-9

– Я беременна. – Что ты сказала? – Я... Я беременна, Гордей. Муж резко подходит ко мне, нависает. – Я против этого ребенка. Категорически. Я не могу позволить, чтобы ты... Я тебя люблю. И мне не нужно детей. А после я узнаю, что молоденькая деваха родила ему дочь... Не нужна я? Не нужен мой ребёнок? Я подниму, выращу, выведу в люди сама. Мы обойдёмся без тебя. И когда ты вдруг всё осознаешь, — будет поздно. Меня уже не вернуть...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99448-9

© Литнет, 2026
© И. Орлова, 2026

Глава 1

– Ваа-аа-арь! – восклицает Ритка радостно. – Ну ты сидишь? Держись! Я тут такое узнала!

Мы с Риткой, Смирновой в девичестве, учились в одном классе. После выпускного наши дороги разошлись. Я поступила в пед, она в мед.

Мы обменивались поздравлениями в праздники, пару раз виделись на встречах выпускников – один раз, кажется, даже обнялись для галочки. И всё. Никакой душевной близости давно уже не осталось, только память о прошлом и редкие, сухие звонки.

И вот тебе раз...

– Привет. Сижу. А что случилось? – спрашиваю настороженно.

Она не отвечает сразу. Сначала театрально вздыхает, фыркает, а после смеется слишком звонко.

– Да ты не поверишь, что случилось! Я тебе сейчас такую историю расскажу, ты просто рухнешь! Ты же у нас Рыкова?

– Да, Рит. Фамилия мужа – Рыков, – начинаю терять интерес к разговору.

– Во! – воодушевляется она. – У нас тут, в приённом, пару дней назад такое было! Прикинь, привезли деваху. Молоденькая, лет восемнадцати, может, двадцать. Не помню точно. Я там, знаешь, как положено, спрашивают: ФИО, адрес, с кем связаться. И она отца для связи указала. Ты только не падай! Рыкова Гордея Владимировича!

Я на секунду не понимаю смысл слов.

– И?..

– И я как услышала, так у меня уши на макушке встали! Думаю: однофамилец, наверное, твоего мужа. Ну мало ли, Рыковых? Их тьма. Но имя! Гор-де-й! Оно же редкое! – Рита почти пропевает каждую букву. – Ты же – Рыкова? У тебя же муж – Гордей?

– Рита, – останавливаю ее, чувствуя, как у меня холодеют пальцы. – Что ты хочешь этим...

– Ой, да ладно тебе, – фыркает она, и по голосу слышно, как ей вкусно от всего этого. – У меня слух как у летучей мыши! К тому же, я переспросила у медсестры: «А отчество у него как?» И она мне: «Владимирович». Ну вот! Совпадает? У твоего как?

Сглотываю. В комнате становится тесно.

– Владимирович, – произношу я и сама удивляюсь, как ровно это звучит.

– Ну вот! Владимирович! – голос Ритки звенит торжеством. Она наслаждается ситуацией, пережёвывая каждую деталь. Для неё это анекдот, пикантная сплетня, достойная пересказа всем знакомым. – Я ей: «Мадам, вы не ошиблись? Рыков Гордей Владимирович? Может, другое отчество?». А она мне, эта молодая: «Нет, это отец моей дочери, вот его телефон». Я сижу, говорю девчонкам: «Прикиньте, девчонки, это, наверное, муж моей школьной подружки!». Мы поржали, конечно. Глупость какая. Твой Гордей – он же у тебя весь такой правильный, военный, все дела, да? Не, это просто однофамилец, точно.

Я осторожно встаю. Медленно, подхожу к окну.

– Рита, – повторяю я. – Зачем ты мне это рассказываешь?

– Ой, ну что ты, – она сразу превращается в добрую знакомую, у которой, конечно, никакой задней мысли, только забота. – Мы же с тобой тысячу лет знакомы. Вдруг правда однофамилец? Поржём потом вместе. А вдруг не однофамилец... – она явно улыбается в трубку и я, будто физически, ощущаю эту липкую улыбку. – Знаешь, такие истории гуляют по отделениям. Сегодня у неё выписка, кстати. И вот тут у меня челюсть – бац! – на пол. Потому что папашка-то приехал за дочкой. Представляешь? Я лично видела, как он в холле у стойки стоял, в костюме такой...

Рита опять делает паузу, давая мне прочувствовать всю глубину её потрясения. Но у меня внутри уже нет ни потрясения, ни любопытства, только тревога, сдавливающая виски.

– Ну? Кто приехал? – хрипло тороплю ее.

– Да папаша-то правда приехал! За дочкой своей! На своей этой... ну, чёрной, большой машине! Ты понимаешь?!

– Нет. Не понимаю, – раздражаюсь на нее. – Это какая-то глупость. Ошибка.

– Да не обижайся ты! – Рита тут же теряет запал. – Я же по-дружески. Если вдруг... ну, мало ли. Ты просто проверь. Спросишь у него... как у вас вообще? Всё нормально?

– Всё хорошо, – обрываю холодно. – Не придумывай.

– Ладно. Ладно-ладно, – быстро тараторит она, будто торопится завершить спектакль до того, как публика начнёт кидать в актёров тапки. – Не берёшь в голову и правильно. Я просто... ну, знаешь, когда совпадения такие, то сложно молчать. Мне показалось забавным. Всё, всё, отстаю. Позвони, если что. Целую-обнимаю, ты там береги себя, слышишь? И нервы береги. Они у нас одни! Всё, побежала!

Гудки. Тишина.

Глава 2

Нет. Это не может быть. Мой Гордей.

Глупость. Сплетни. Показалось Ритке что-то.

Обхватываю себя руками. Гордей – воплощение надёжности, мой каменный утес. Военный, с безупречной репутацией. Он никогда не давал повода усомниться в нем. Никогда.

Да, в последнее время у нас были сложности, но... это временно. У всех бывают тяжелые времена.

Телефон снова вибрирует. Пусть там акции, рассылки, новости. Всё что угодно, только не Риткины сплетни.

Вибрация повторяется. Короткое, настойчивое «ж-ж». Приложение с сообщениями открылось автоматически.

Там было одно слово, написанное Риткой заглавными буквами: «ПРИКИНЬ!» И под ним – фотография.

Мне не нужно увеличивать изображение, чтобы узнать своего мужа. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем на нем пальто. Именно в этой одежде он уходил сегодня утром из дома.

Он стоит у входа в здание, которое я узнала бы из тысячи. Наш перинатальный центр, тот самый, в котором работает Ритка.

Снимок сделан издалека, немного смазанный, но ракурс, снятый, видимо, украдкой из окна, совершенно однозначен. На изображении мой муж Гордей...

Он стоит, хмурый, поджигает губы в тонкую линию, взгляд его направлен в сторону машины. Но не это самое страшное. В руках у него розовый свёрток, который он прижимает к своей широкой груди.

Яркий, нежно-розовый свёрток одеяла.

Сердце, то, что ещё секунду назад билось тревожно и часто, вдруг резко сжимается, превращается в холодный, свинцовый комок.

Оно проваливается куда-то вниз, оставляет в груди ледяную пустоту и острую, жгучую боль, которая эхом отзывается в солнечном сплетении. Мир плывет. В дом наш пришла ужасная беда...

Глава 3

Воздух. Мне нужен свежий воздух, но я могу только хватать ртом крошечные, бесполезные глотки. Голова раскалывается.

Всё вокруг моментально становится невыносимо ярким и давящим.

Перед глазами только фотография, на которой мой муж держит в своих руках этот розовый свёрток.

Это не просто предательство. Это разрыв реальности.

Неужели эти недели страха, волнения и борьбы за хрупкое будущее, которое могло оборваться в любой момент, были напрасны? Неужели всё, что Гордей говорил, о чём спорил, чего боялся... было ложью, прикрывающей другую, тайную жизнь?

Закрываю глаза, пытаюсь остановить этот вихрь, но вместо тишины в сознании возникает единственная, мучительная картина: лицо мужа, искажённое гневом и страхом, в тот вечер, несколько недель назад. Вечер, когда я сказала ему.

Свет в столовой был тёплым, янтарным. На столе уже стоял ужин. Гордей сидел напротив, в своей белоснежной рубашке, идеальный, как всегда: чёткий, собранный, с пронизательным взглядом. Он рассказывал что-то, но я едва слышала, потому что в руках у меня была невидимая граната с выдернутой чекой.

– Гордей, – прервала его. – У меня... новость.

Он поднял бровь, смерив меня оценивающим взглядом. В нём всегда читалась готовность к любой информации.

– И?

Я сделала глубокий вдох. Репетировала эту фразу десятки раз, но произнести ее вслух было оскazujeвается очень сложно.

– Я беременна.

Тишина. В одну секунду тёплый, янтарный свет, казалось, погас. Гордей перестал жевать. Замер. Его взгляд не изменился:

он по-прежнему был пронизательным, но теперь в нём появилось что-то холодное, что-то похожее на ужас.

– Что ты сказала? – не вопрос. Это приказ повторить, отменить, опровергнуть.

– Я... Я беременна, Гордей.

Муж отложил столовый прибор. Металл стукнул о фарфор громче выстрела. Он медленно, очень медленно провёл рукой по волосам, его военная выправка начала рушиться.

– Ты же пила таблетки, – произнес он ровно, без единой эмоции. И от этого спокойствия мне стало страшно. – И ты же знаешь, что тебе нельзя...

– Я бросила таблетки, – на меня постепенно надвигалась паника. – И я была у врача.

Да, риски есть, но они...

– Риски? – Гордей вскочил, стул упал на пол. – Варя, послушай меня внимательно! – Он подошел ко мне, нависая. Я же вся съежилась под его тяжелым, злым взглядом. – У тебя противопоказания по сердцу. Это не просто риски. Это чёртовы гарантии того, что тебя может не стать! Нам это прямо сказал кардиолог два года назад, когда ты в очередной раз обмолвилась о детях! Ты забыла?!

Слова мужа были пропитаны не гневом, а чистым, животным страхом, который он, человек-скала, отказывался признавать. Он не хотел, чтобы я это видела.

– Я ничего не забыла! Но медицина идёт вперёд! Мне сказали, что при постоянном контроле, если соблюдать...

– Нет! – рявкнул Гордей и отступил на шаг. Он будто возвёл вокруг себя невидимую стену. – Я против. Категорически. Я не могу позволить, чтобы ты... чтобы я... Я тебя люблю! Ты – это всё, что у меня есть. Мне не нужно это «счастье» ценой твоего здоровья!

У меня начинала кружиться голова. Эта тяжесть в груди... это не только эмоции. Это от напряжения. Но я не могла отступить.

– Ты просто не хочешь детей, Гордей! Скажи прямо!

Он оскалился. Это была не улыбка, а гримаса отвращения к собственным слабостям. Он не хотел детей. Никогда. Ему хватало его работы, его порядка, его жизни по расписанию.

– Да. И что? Это преступление? Я не хочу тебя терять! Ты не понимаешь, это не о ребёнке! Это о тебе! Я не переживу, если... – Он не закончил. Просто отвернулся к окну, обрывая себя.

– А я хочу детей! – резко встала. Ноги еле держали, но я упрямо шагнула к нему. – И я выношу его! Потому что иначе зачем вообще жить? Просто пить, есть? И умереть в одиночестве? Просто поверь мне. Я чувствую, что всё будет хорошо! И... и если что-то пойдёт не так, – я запнулась, слёзы уже душили меня, – то у тебя останется... память о нас! Частичка меня!

Гордей развернулся. Его глаза сверкнули, и в них впервые появился настоящий гнев.

– Мне не нужна такая память! Ты слышишь?! Мне нужна ты! Живая! А не этот... этот, как ты его назвала, «подарок», который может убить тебя! Это эгоизм чистой воды с твоей стороны! Ты подумала только о себе, но не спросила о моем желании. Я не допущу, чтобы ты так рисковала.

– Аборт? – произнесла холодно, и это слово повисло в воздухе, ядовитое и острое. – Ты просишь меня об аборте?

– Я требую, чтобы ты подумала о себе! – Гордей подошёл, схватил меня за плечи. – Я люблю тебя, Варя! А этот ребёнок, – он сделал паузу, – он для меня не рождённый! Не существующий! Никто.

Мы ругались до глубокой ночи. Он давил, объяснял риски, ссылаясь на врачей, на нашу совместную жизнь. Я плакала, замыкалась, повторяла, что не откажусь, что это мой выбор, моё тело.

В ту ночь он впервые ушёл из дома, а потом лег спать в гостевую комнату. Это была не просто ссора. Это была трещина в нашем фундаменте, через которую хлестал холодный ветер.

Гордей так и остался против. Жёстко, недвусмысленно против.

Он перестал спрашивать о самочувствии, старался не касаться моего живота, но при этом с маниакальным упорством следил, чтобы я вовремя принимала все лекарства, контролировал мой режим дня.

Это была его извращённая форма заботы, его способ контролировать риск. Он думал, что я сдамся. Я думала, что он поймёт.

Открываю глаза и возвращаюсь в реальность. Руки дрожат. В голове шумит.

Отказ Гордея от нашего ребёнка, его страх за мою жизнь, его жёсткое «мне не нужна такая память» – всё это рушится, как картонный домик, при виде этой одной, единственной фотографии.

Он не хочет ребёнка от *меня*, потому что боится *меня* потерять. Да уж...

Но при этом он хочет ребёнка... от другой. От той юной девахи, которая не имеет «противопоказаний по сердцу». От той, которая не пьёт горстями таблетки.

Чувствую спазм в животе. Знакомый, резкий. От ледяного ужаса. Прижимаю ладони к животу, пытаюсь согреть его, успокоить. Горючие, обжигающие слёзы текут по щекам.

Как военный, Гордей всегда отличался чётким разделением. Чёрное и белое. Работа и дом. Долг и... любовь. А теперь? Что это за категория? Тайная семья? Или просто «следствие» его постоянных командировок?

Холодный, сжигающий всё на своем пути гнев прокатывается по венам. Как он мог? Как он мог, зная, в каком хрупком состоянии я сейчас нахожусь, зная, насколько я уязвима, продолжать изображать этот контролируемый страх за меня, пока у него...

Снова хватаю телефон. Нахожу в галерее наши с Гордеем фотографии: свадебные, отпускные. Счастливые, застывшие мгновения. Его глаза, полные... любви.

Увеличиваю фото с розовым свёртком. Гордей хмурый. Я понимаю,